

Второе сего же доказательство

Князю Меншикову знаком был один сиделец в Гостином дворе, человек молодой и по бытности его несколько лет в городе Архангельском разумевший немецкий язык. Великий государь нередко посещая Гостиный двор не для прогулок, но для при-
смотру за порядком торгующих, и входя в лавки, если усматри-
вал в которой непорядочно расположенные товары, приказывал
при себе иначе их переложить; и по таковом расположении
говаривал хозяину: «Посмотри! Не порядочнее ли теперь рас-
положены твои товары?» Войдя же в лавку помянутого сидельца
и нашед у него лучший в расположении товаров порядок и само-
го одетого в немецкое платье, похвалил его за оное. При сем
случае бывший с монархом Меншиков сказал его величеству,
что молодец сей знает еще и немецкий язык. Несказанно приятно
было сие государю; он на сем языке расспросил его, какого он
города уроженец, есть ли у него отец, где он научился сему языку,
давно ли живет в Петербурге? Порядочные сидельцевы ответы

доказали монарху, что он довольно был умен. Меншиков, обещавший прежде сему молодому человеку доставить случай познакомиться его с государем, велел ему иметь у себя в лавке на такой случай хорошую водку и к оной закуску; и как был тогда одиннадцатый час в исходе, то и не упустил он сего случая. «Не угодно ли, государь, — сказал он, — сделать честь сему знакомцу моему, выкушать у него водки?» Монарх, посмотря на часы, сказал: «Хорошо». Сиделец поднес его величеству гданской водки и поставил закуску. Монарх, прикушавши оной, поставил рюмку и спросил: хозяин ли он или сиделец? — «Сиделец, всемилостивейший государь», — отвечивал сей. — «А сколько получаешь ты жалованья?» — спросил монарх. — «Сто рублей». — «Из такого жалованья несходно покупать тебе такие водки, да они и совсем излишни, особливо же для тебя, — сказал монарх. — Сверх сего не хочу я, — продолжал государь, — чтоб ты поставил на кует хозяину, что покупал гданскую водку для государя», — и так, не став пить оные, вышел. Но с сего однако же времени великий сей хозяин, когда ни бывал в Гостином дворе, всегда к сему сидельцу заглаживал в лавку и всегда что-нибудь говорил с ним по-немецки; узнав же больше его способности, выпросил его у хозяина в свою службу, повелев однако же прежде его сосчитать и дать себе знать, доволен ли он будет его исправностию; получа же от хозяина добрый о нем аттестат, определил его в портовую таможенную третьим членом.